

УДК 81.38/42

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-126-131

ТЕКСТОВЫЕ ПАРАДИГМЫ АНТОНИМИЧЕСКОГО ТИПА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

О. Л. Кабанина

Томский государственный педагогический университет, Томск

Исследуются текстовые парадигмы антонимического типа с целью выявления их индивидуально-авторских особенностей и связи с тематическими зонами поэтической картины мира автора. Элементы антонимических парадигм, использованные в ранней лирике Цветаевой, рассматриваются с точки зрения их дифференциации на словные и сверхсловные, узуальные и незузуальные, полные и неполные антонимы. Представлена тематическая классификация текстовых парадигм антонимического типа, раскрыта их роль в репрезентации поэтической картины мира автора.

Ключевые слова: *текстовая парадигма антонимического типа, антонимы, поэтическая картина мира, концепт.*

Противоречивость личности М. И. Цветаевой нашла яркое отражение в ее творчестве, проявилась в том, что основная часть ее лирических произведений строится на контрастах. С их помощью поэт выражает свои чувства, делает акцент на наиболее значимых темах, смыслах и эмоциях. Отношение к миру, к событиям, отношения с людьми часто определяются М. Цветаевой с помощью контрастно связанных между собою слов, сочетаний, отражая оппозицию поэта веку, людям. Контраст является для Цветаевой не просто внешним художественным средством выразительности, он выступает мерой, критерием оценки окружающего мира. Она осознает и воспринимает людей, события не путем сопоставления или сравнения, как происходит у большинства, М. Цветаева познает и выражает свое отношение к миру в противопоставлении. Здесь можно провести аналогию с афоризмом «все познается в сравнении», у Цветаевой же иначе: «все познается в противопоставлении».

Т. Ю. Семенова в одной из своих работ [1, с. 11] писала о том, что противопоставления могут отражать смысловые отношения антонимического типа, которые чаще всего прослеживаются в текстовой парадигме. Под текстовой парадигмой, вслед за Н. С. Болотновой, понимаем «совокупность лексических единиц (словных и сверхсловных), объединенных концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и (или) внутреннего (лингвистического) [2, с. 41]. Смысловые текстовые парадигмы антонимического типа интерпретируются автором как текстовые парадигмы, «элементы которых отражают актуализированные в тексте отношения противопоставленности соотносительных с одним понятием слов или сверхсловных единиц, не являющихся полными узуальными антонимами, но соотносящихся с ними в языковом сознании коммуникантов» [2, с. 81].

Цель данного исследования – анализируя текстовые парадигмы антонимического типа, выявить индивидуально-авторские особенности тематических зон поэтической картины мира автора.

Объектом анализа являются парадигмы антонимического типа. В качестве предмета исследования выступает тематическая классификация текстовых парадигм и их роль в репрезентации поэтической картины мира автора.

Поэтическую картину мира автора «можно интерпретировать, во-первых, как структуру сознания художника слова, как динамичный глобальный образ мира, являющийся результатом творческой активности и познавательной деятельности писателя; во-вторых, как эстетическое отражение в текстовой деятельности концептосферы автора, как систему художественных концептов, вербализованных в тексте и творчестве писателя в целом» [3, с. 153]. По словам исследователя, «художественный текст отражает стимулированный реальной действительностью вторично моделируемый авторский мир и формирует представление о нем в сознании адресата. Это эстетически преобразованный внутренний мир автора, образно воспроизведенный в тексте и субъективно отражающий мир реальный» [3, с. 152].

В качестве материала исследования были взяты антонимичные парадигмы, использованные в ранней лирике М. Цветаевой 1909–1919 гг. В работе проанализировано 343 стихотворения и 32 цикла, в которых выявлено 416 текстовых парадигм антонимического типа.

Обычно под антонимами понимаются слова, имеющие противоположные значения [4, с. 54]. Большинство исследователей делают акцент на том, что антонимами могут быть слова, принадлежащие только к одной и той же части речи и имеющие соотносенные друг с другом противополож-

ные значения, но не все слова в русском языке обладают «антонимичной парой». Иногда лексические единицы могут вступать в отношения противопоставления лишь в данном тексте, являясь индивидуально-авторскими антонимами.

В свете этого, «поскольку в основе текстовых парадигм лежат стандартные (типовые, устойчивые, стабильные) и нестандартные (уникальные, индивидуализированные) текстовые ассоциации, различающиеся по характеру их закрепленности в сознании коммуникантов (типичности, регулярной повторяемости, стереотипности и оригинальности, неповторимости), можно дифференцировать парадигмы узуального и незуального типа» [2, с. 102].

Примерами узуальных антонимов в ранней лирике М. Цветаевой служат оппозиции: «жизнь» – «смерть»: «Я и жизнь маню, я и смерть маню / В легкий дар моему огню» (1918); «враги» – «друзья»: «Устав от вас, враги, от вас, друзья» (1916); «мягкий» – «черствый»: «И мягок – самый черствый хлеб» (1913); «большие» – «маленькие»: «Какие большие кольца / На маленьких темных пальцах!» (1917).

К антонимическим парадигмам незуального типа можно отнести следующие пары слов: «мечом» – «лилией»: «Не мечом – а лилией в щите!» (1918); «пустыня» – «мир»: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа – / Отпускаю ныне / Дорого друга / Из прекрасной пустыни – в мир» (1917) и т. п.

Помимо этого элементы антонимических текстовых парадигм в творчестве М. Цветаевой делятся на словные («мудрец» – «поэт», «утро» – «ночь») и сверхсловные [1, 12]. Примером сверхсловного противопоставления в ранней лирике служат следующие элементы: «Мимо свадебных карет, / Похоронных дорог» (1916); «Борода столетняя! – Чай, забыл, что смолоду / Есть беда насущнее, чем насущенный хлеб» (1918); «Белый памятник надгробный / На моей груди живой» (1918).

Сверхсловные элементы текстовых парадигм, как правило, в творчестве поэта являются антонимами незуального типа. Индивидуально-авторские текстовые парадигмы антонимического типа представлены в ранней лирике М. Цветаевой достаточно широко и многогранно, что еще раз свидетельствует об уникальности ее личности и особенностях поэтического мировосприятия окружающей действительности.

Текстовые парадигмы антонимического типа выделяются по принадлежности входящих в них элементов к той или иной части речи: среди них есть существительные («слуга» – «господин», «брат» – «волк», «дар» – «долг»); прилагательные – как полные, так и краткие («ястребиная» – «лебединая», «италийским» – «российским», «полон» – «пуст»); наречия («нынче» – «завтра», «со-

лоно» – «сладко»); глаголы («писала» – «перечеркивала», «ем» – «глотаю», «увиджу» – «услышу», «знай» – «забуди»); местоимения («ты» – «я»).

Антонимические текстовые парадигмы могут дифференцироваться по уровню противоположности входящих в них элементов, симметричности / несимметричности расположения на условной шкале семантических признаков и могут быть полными и неполными. К признакам полных антонимов относятся (подробнее см.: [5]): «принадлежность к одному семантическому ряду», «взаимозаменяемость, или одинаковая сфера сочетаемости», «способность сохранять значение противоположности в словообразовательных параллелях в различных частях речи», «особенно высокая, по сравнению с неполными, употребительность», в результате чего антонимы закрепляются в сознании носителей языка; «для осознания противоположности значений полных антонимов не нужен контекст» [6, с. 5–7].

Примерами антонимических парадигм с полными антонимами в раннем творчестве М. Цветаевой служат оппозиции: «право» – «лево»: «Вправо и влево качнулся стан» (1917); «полон» – «пуст»: «Полон стакан, / Пуст стакан» (1917) и др.

Неполные антонимы «характеризуются различными сферами употребления», «обладают различными оттенками идеографических значений», «могут обладать различной эмоционально-экспрессивной окраской» [6, с. 9].

К неполным антонимам относятся: «смелый» – «боязлива»: «К смелым душам, творящим лишь страсти веленье, / Он умчался, в моей не дождавшись прилива. / Я в решительный вечер была боязлива...» (1910); «счастье» – «страданье»: «Так легко без счастья, без страдания!» (1919) и пр.

Еще одним подтверждением тезиса о том, что у М. Цветаевой «все познается в противопоставлении», а контраст (его маркером в тексте являются антонимические парадигмы) выступает мерой и своеобразным критерием оценки окружающего мира, является тематическая классификация данных текстовых парадигм, выполняющих одну из ключевых ролей в репрезентации поэтической картины мира автора.

С учетом концепции Р. Халлига и В. Вартбурга о структуре концептосферы и многообразии концептов (см. об этом: [7, с. 50]), а также классификации антонимических парадигм в творчестве М. Цветаевой в работе Т. Ю. Семеновой [1, с. 12] была осуществлена следующая тематическая классификация текстовых парадигм антонимического типа, относящихся к ранней лирике поэта (1909–1919 гг.), в соответствии с выделенными Халлигом и Вартбургом тематическими зонами концептосферы:

I. Человек.

1. Человек как общественное существо.

«Я» – «все» («другие»).

Данная тематическая зона концептосферы включает противопоставление авторского «я» (как индивидуальной личности) – «другим». Под «другими» в лирике Марины Цветаевой раннего периода понимаются члены семьи Цветаевых (сестра Ася, дочь Аля и пр.); «все» («другие») интерпретируются как обобщенное понятие о людях в целом, толпе; обо всех, кто «вне». Помимо этого встречаются интересные единичные оппозиции: «я» – «Андрей Шенье» («*Андрей Шенье* взошел на эшафот, / *А я живу – и это страшный грех*» (1918); «я» – «другая» (в значении «соперница») («*Вы были уже с другой, / С ней путь открывали санный, / С желанной и дорогой, – / Сильнее, чем я – желанной*» (1914)).

Необычной представляется оппозиция «я» – «пес», когда лирическая героиня противопоставляет себя собаке, сравнивая животное и себя по признаку верности: «*Я ключи закину и псов прогоню с крыльца – / Оттого что в земной ночи я вернее пса*» (1916).

«Свой» – «чужой».

Данная тематическая зона тесно связана с предыдущей по принципу оппозиции, лежащей в ее основе: «я» («мое») – «другому» («не моему»). Особенностью входящих в нее текстовых парадигм антонимического типа является наличие дополнительного смыслового признака, связанного с понятиями «своего» (родного, близкого, дружественного, принадлежащего) и «чужого» (принадлежащего другому, противоположного, зачастую – враждебного).

См. «*Не узнаю в темноте / Руки – свои иль чужие?*» (1918);

«*Ты мне чужой и не чужой, / Родной и не родной, / Мой и не мой! Идя к тебе / Домой – я «в гости» не скажу, / И не скажу «домой»*» (1918).

Зона концептосферы «Личность» – «личность» («субъект» – «субъект») включает антонимические парадигмы, основанные на противопоставлении «кого-то» – «кому-то», например: «*Имя ребенка – Лев, / Матери – Анна. / В имени его – гнев, / В материнском – тишь*» (1916); «*Сын – уснул, а друг – придет. / Друг за матерью присмотрит, / Сына – Бог побережет*» (1917) и др.

Оппозиция «Я» – «ты» («вы») была выделена отдельно по причине ее широкой представленности в ранней лирике М. Цветаевой и тесной связи с гендерной направленностью, выражающейся в противопоставлении мужчины и женщины. Например, «*Ах, ужель не лень / Вам любить меня? Вы – почти что остов, / Я – почти что тень*» (1917) и др. В поэзии Цветаевой используется и оппозиция двух женщин (в частности, это можно наблюдать в цикле «Подруга» (1914).

В ранней лирике автора отношения между мужчиной и женщиной всегда строятся по принципу «вызова», «противопоставления», так, как будто они никогда не могут быть вместе. Женщина всегда равна мужчине. Она способна воевать и с ним, и за него. Возможно, это связано с жизненным опытом М. Цветаевой, с постоянным одиночеством «без него» (С. Эфрона), с вынужденным стремлением быть сильной, справляться с трудностями самой.

2. Душа и разум.

В данную тематическую зону концептосферы входят антонимические парадигмы, объединенные по следующим признакам:

«Оценка» как форма мысли и способность человека анализировать и оценивать окружающую действительность, например: «*Какие большие кольца / На маленьких темных пальцах!*» (1917) и др.

«Чувство, состояние». В данной тематической зоне концептосферы выделяется несколько ключевых оппозиций, а именно:

– если рассматривать сон как состояние, то сюда относится контрастная пара «сон» – «бессонница» («*Я видела бессонницу леса / И сон полей*» (1916));

– «желаемое и действительное» («*На тебе, ласковый мой, дохмотья, / Бывшие некогда нежной плотью*» (1918));

– «внешнее поведение и внутреннее состояние» («*Быть как стебель, и быть, как сталь*» (1915); «*Мой рот разговорчив, / Даром, что свят – вид*» (1916)).

К данной тематической зоне концептосферы относятся и элементы текстовых парадигм антонимического типа, связанные с противопоставлением эмоций, чувств: «*И не оттого, что эти / Строки, писанные с грустью, / Будешь разбирать – смеяться*» (1918) и др.

Рассудок, разум и чувства у М. Цветаевой всегда «слиты». Несмотря на всю ее чувственность, эмоциональность, так свойственные женской природе, тонкой лирической душе, Цветаева всегда сохраняет способность рассуждать. Это редкое умение – в порыве, всплеске того или иного чувства суметь уловить, назвать, оценить что-то и даже попытаться его осмыслить. Складывается такое впечатление, что лирическая героиня Цветаевой и чувствует, и осмысливает это чувство одновременно.

3. Человек как живое существо.

К данной зоне концептосферы относятся антонимические парадигмы, объединенные по темам:

«категория жизни и смерти, начала и конца», например:

«*Я и жизнь маню, я и смерть маню / В легкий дар моему огню*» (1918); «*Я столько раз хотела жить / И столько умереть!*» (1915).

В зону концептосферы «возраст» входят антонимические парадигмы: «молодость» – «старость», «юность» – «старость», «дети» – «взрослые» и т. п. Приведем примеры: «*Ты на старость, бабушка, просишь, я – на молодость!*» (1918); «*Кудри у юных – и бороды у стариков*» (1918).

Парадигма «молодость» – «старость» отражает максимализм авторского восприятия, в котором промежуточных этапов взросления человека не существует.

4. Социальная организация.

В эту тематическую зону концептосферы входят антонимические парадигмы, связанные с темой «социальный статус (богатство – бедность)». Данная подгруппа номинаций отражает связь с людьми, имеющими разное положение в обществе и обладающими диаметрально противоположными материальными благами. Например: «*Знаешь царя – так псаря не жалуй!*» (1918); «*Была я уличной певицей, / А ты был княжеским сыном*» (1919).

Определение социального статуса в ранней лирике М. Цветаевой также оказывается связано с абсолютными противоположностями – бедности, нищеты как отсутствия материальных благ и наличия титулов и богатства, земных благ и титулов.

II. Вселенная.

1. «Земля».

«Определение границ, направлений, мест и створон света». К данной тематической зоне концептосферы относятся такие элементы парадигм, как север – юг, запад – восток, пустыня – мир: «*Поглядит он на Север, / Поглядит он на Юг, / На Восток и на Запад*» (1918); «*Из прекрасной пустыни – в мир*» (1917) и др.

2. «Небо и атмосфера».

«Небо» у Цветаевой противопоставлено «земле», все «земное» противопоставлено «небесному». Как правило, понятия «земное» и «небесное» отражают соотношенность мира метафизического и физического: «*Цари земные низвергаются. / Царствие! – Будь!*» (1918). «Царствие» здесь означает «царствие небесное».

Антонимических текстовых парадигм, относящихся к таким зонам концептосферы, выделенным Р. Халлигом и В. Вартбургом, как «растительный мир» и «животный мир», «наука и техника», в ранней лирике Цветаевой не обнаружено.

III. Вселенная и человек.

В концептосфере автора широко представлена зона «априорные категории»:

Категория «прошлое» – «настоящее» – «будущее», которая соотносится с движением и течением времени: «сегодня» – «завтра», «было» – «будет», «есть» – «прошло», «есть» – «будет» и пр. Например: «*Знаю все, что было, все, что будет...*»

(1918), «*Нынче месяц нам фонарик, / Завтра звезды нам лампадки*» (1918).

Следует отметить часто встречающиеся в текстах различные временные формы глагола «быть». Л. В. Зубова пишет, что «употребление глагола «быть» в поэзии М. Цветаевой связано с осмыслением наиболее абстрактного и значимого понятия бытия, понятия очень существенного для М. Цветаевой. Все ее творчество отражает постоянное стремление найти ответы на вечные для философии и для искусства вопросы «что есть бытие?», «что есть жизнь?» Уже сама постановка этих вопросов связана с максимализмом, попыткой познать абсолютное, лежащее за гранью эмпирического опыта. М. Цветаева ищет ответы на эти вопросы всю жизнь» [8].

«Время суток».

Отмечены следующие оппозиции: «день» – «ночь», «утро» – «вечер» и пр. См.: «*Поцелуй – в обед, / И стихи – на ужин*» (1917); «*Еженощный соглядатай, / Ежеутренний звонарь*» (1918).

В эту же общую тематическую зону концептосферы включаются элементы, связанные с категорией «время года», которые представлены в ранней лирике Цветаевой единично: «*Я уже заболеваю летом, / Еле выздоровев от зимы*» (1915).

Философские категории «мера, качество, количество». Приведем примеры: «*Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща!*» (1918); «*Может – сотни свеч, / Может – три свечи...*» (1916) и пр.

«Правда (истина) – ложь». Например: «*Если правда выйдет ложью*» (1919); «*И как могу / Не лгать, – раз голос мой нежнее, – / Когда я лгу*» (1915).

Зона концептосферы «добро и зло» в лирике автора включает оппозиции, зачастую связанные с религиозной составляющей, где основными противодействующими силами выступают силы добра (Бог, ангелы и др.) и силы зла (дьявол, Князь тьмы). Данная оппозиция проецируется на людей и поступки, определяя их принадлежность к «плохим» или «хорошим». Например: «*Тот / Был ангелом, а этот будет чертом*» (1917) (здесь же «субъект» – «субъект»); «*От злобы добрых и от злобы злых*» (1918).

К зоне «добро и зло» относятся антонимические парадигмы, объединенные тематикой «свет и тьма» с дополнительным смысловым признаком «добро» – «зло», а также оппозиция «правое» – «левое». Приведем примеры: «*Призвал тогда Князь света – Князя тьмы*» (1917), «*Белизна – угроза Черноте. / Белый храм грозит гробам и гробу!...*» (1918); «*Руку верную даю – пишущую, правую*» – «*Левая – она дерзка, / Лстывая, лукавая. / Вот тебе моя рука – / Праведная, правая!*» (1918).

Можно с уверенностью утверждать, что М. Цветаева была религиозно начитанным и образованным

человеком, свободно ориентирующимся в тексте Библии и Священного Писания, что позволяло ей очень тонко включать библейские аллюзии в поэтические тексты. Она точно чувствовала эту невидимую земному глазу вертикаль – между добром и злом, но осмысляла и интерпретировала ее зачастую по-своему.

Особенно часто в лирике М. Цветаевой раннего периода встречаются оппозиции, относящиеся к зонам «человек», «человек и вселенная», выделенные в структуре концептосферы Халлигом и Вартбургом. Реже всего автором используются антонимические парадигмы, относящиеся к тематической зоне «вселенная», что может говорить о некоторой изолированности поэта от мира реального, физического. Отсутствие антонимических парадигм, касающихся растительного и животного мира, а также науки и техники, отражает безразличие автора к данным тематическим зонам концептуальной картины мира. Поэта больше интересуют категории «априорные». В центре поэтического мира Цветаевой находится сам «человек» как личность, его отношения с людьми, с обществом, с миром в целом. И, как правило, этим «человеком» является «я» автора. Мир метафизический преобладает по значимости над миром материальным в поэтической картине мира М. Цветаевой. Категории времени, жизни и смерти выступают важными элементами человеческой жизни. Добро и зло, правда и ложь, жизнь и смерть – основная часть текстовых антонимических парадигм, актуализирующих данные категории, отражает две крайние степени, два предела, без каких-либо градаций.

Интересным является доминирование антонимичной парадигмы «я» – «все» («другие») и частотность употребления контрастных пар слов, относящихся к тематической зоне «я» – «ты» («вы»), что сохраняется и в более позднем поэтическом творчестве М. И. Цветаевой, вплоть до 1941 г.

Так, в стихотворении «Роландов рог» (1921) автор выделяет «себя» из «всех» и противопоставляет «себя» – «всем»: «*Одна из всех – за всех – противу всех!*...». В стихотворении 1923 г. «Занавес» наблюдается оппозиция «я» – «ты» («вы»): «*(Цена – ты, занавес – я)*», «*Я тебя загораживаю от зала, / (Завораживаю – зал!)*». В цикле «Стол» (1933–1934) одно из стихотворений целиком строится на основе ключевой оппозиции «я» – «ты» («вы»): «*Квиты: вами я объедена, / Мною – живописаны. / Вас положат на обеденный, / А меня – на письменный...*».

С психологической точки зрения противопоставление и отделение себя от других является характерной чертой подросткового возраста, когда происходит отчуждение человека от «мира взрослых и утверждение себя как личности» [9].

Это проявление юношеского максимализма, где есть только крайние степени понимания и восприятия действительности. Юношеский максимализм и связанное с ним восприятие мира М. Цветаева пронесла через всю жизнь. Эти качества стали неотъемлемыми чертами личности поэта, а контраст превратился в единственное мерило окружающего мира, отношений с другими людьми, оценки других людей и самой себя.

Список литературы

1. Семенова Т. Ю. Текстовые парадигмы антонимического типа в поэзии М. И. Цветаевой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 1998. Вып. 6 (9). С. 11–13.
2. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 210 с.
3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2012. 384 с.
4. Современный словарь иностранных слов. М., 1992. 740 с.
5. Львов М. Р. Опыт систематизации лексических антонимов // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1999. С. 307–311.
6. Лихачева О. Н. Особенности градуальных антонимов в русском и английском языках // Научные труды Кубанского технологического университета. 2015. С. 1–12. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/505> (дата обращения: 01.11.2016).
7. Степанов Ю. С. Общее языкознание. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
8. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л., 1989. URL: <http://coollib.com/b/246496/read> (дата обращения: 01.11.2016).
9. Психологические изменения в характере подростков. URL: <http://www.doctorate.ru/psychologic-changes-teenager> (дата обращения: 01.11.2016).

Кабанина Ольга Леонидовна, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: olga260389@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 27.12.2016.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-126-131

THE TEXTUAL PARADIGM OF ANTONYMY TYPE AS A REFLECTION OF THE POETIC PICTURE OF THE WORLD OF THE AUTHOR

O. L. Kabanina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article examines the paradigms of antonymous type with the aim of identifying their individual characteristics and relation to the thematic areas of the poetic picture of the author's world. Antonymous paradigms are considered from the point of view of their differentiation into verbal and ultra verbal, usual and not usual, complete and incomplete. Presents thematic classification of textual paradigms of antonymous type. Examines the role of their representation of the author's poetic picture of the world. The research is done in the trend of communicative stylistics of the text and includes analysis of the material of the early lyrics by Tsvetaeva from 1909 to 1919. 343 verses and 32 cycles were analyzed in the article, and 416 textual paradigms of antonymous type were revealed. It was determined that a "Person" as a personality, his relations with other people and with society, and with a whole world are in the center of poetic world by Marina Ivanovna Tsvetaeva. As a rule, this "Person" is a poetic "Ego" of the author. Youthful maximalism and the world perception connected with it, M. Tsvetaeva carried for the rest of her life. It is proved on the example of the textual paradigms of antonymous type and connected with them fields of the author's concept sphere that a contrast turned into the one measure of visual environment, relations with other people, evaluation of the other people's and her own personality.

Key words: *textual paradigm of type antonymy, antonyms, poetic picture of the world, concept.*

References

1. Semenova T. Yu. Tekstovye paradigmy antonimicheskogo tipa v poezii M. I. Tsvetaevoy [The textual paradigm of antonymy in the poetry of M. I. Tsvetaeva]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 1998, vol. 6 (9), pp. 11–13 (in Russian).
2. Bolotnova N. S. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [Lexical structure of literary text in an associative dimension]. Tomsk, 1994, 210 p. (in Russian).
3. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of text: thesaurus]. Moscow, 2012, 384 p. (in Russian).
4. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Contemporary dictionary of foreign words]. Moscow, 1992. 740 p. (in Russian).
5. L'vov M. R. Opyt sistematzatsii leksicheskikh antonimov [The experience of systematization of lexical antonyms]. *Aktual'nye problemy leksikologii i leksikografii* [Actual problems of lexicology and lexicography]. 1999. Pp. 307–311 (in Russian).
6. Likhacheva O. N. Osobennosti gradual'nykh antonimov v russkom i angliyskom yazykakh [Features of gradable antonyms in Russian and English]. *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Scientific works of KubSTU*, 2015, pp. 1–12 (in Russian). URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/505> (accessed 25.11.2016).
7. Stepanov Yu. S. *Obshcheye yazykoznaniye* [General linguistics]. Moscow, 1975. 271 p. (in Russian).
8. Zubova L. V. *Poeziya Mariny Tsvetaevoy. Lingvisticheskiy aspekt* [Poetry of Marina Tsvetaeva. The linguistic aspect]. Leningrad, 1989 (in Russian). URL: <http://coollib.com/b/246496/read> (accessed 15.11.2016).
9. *Psikhologicheskiye izmeneniya v kharaktere podrostkov* [Psychological changes in the characters of teenagers] (in Russian). URL: <http://www.doctorate.ru/psychologic-changes-teenager> (accessed 01.11.2016).

Kabanina O. L., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061). E-mail: olga260389@yandex.ru